

18+

Не

ИДЕАЛЬНАЯ

Анастасия
Эвелин

Анастасия Эвелин

Неидеальная

«Издательские решения»

Эвелин А.

Неидеальная / А. Эвелин — «Издательские решения»,

Джессике всего двадцать, а её жизнь уже летит под откос: всё рушится в один миг, когда правда о её происхождении всплывает наружу. Отец стремится замять дело, но время играет против семейства Бэйкер. Поэтому ему не остается ничего, кроме как выдать любимую дочь замуж за местного богатея со сложным характером и странной отстранённостью от мира — Рэймонда Харрингтона. Что ожидает Джессику теперь? И кто такая, чёрт возьми, Валери, при упоминании которой Рэймонд приходит в бешенство?

© Эвелин А.

© Издательские решения

Содержание

Неидеальная	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Неидеальная

Анастасия Эвелин

© Анастасия Эвелин, 2026

ISBN 978-5-0070-9921-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неидеальная

Глава 1

Отец молча кивает, когда протискиваюсь через гудящую толпу, полную чужих запахов и голосов, прямо к нему и едва не падаю на пол. Кустистые брови сурово сводятся к переносице, и мне хочется провалиться сквозь землю от стыда. Вот же растяпа.

Надеюсь, никто не заметил моего позорного почти падения. Испуганно кошусь в сторону гостей, но тем до меня нет никакого дела. По сути, кто я им? Всего лишь дочь мэра Бэйкера. К тому же не самая лучшая. Я не блистаю умом, как моя старшая сестра Элис, и не так красива, как Мари. Всего лишь крошка Джессика — плод тайной любви именитого отца и какой-то простушки, фамилии которой никто не знает.

Когда тайна моего происхождения оказалась раскрыта, был большой скандал. Матушка грозилась уйти, прихватив с собой половину наследства, потому что была не готова к шумихе, «порочащей ее славное имя», но вовремя вспомнила: без мужа она никто. А мне сразу стало понятно, почему она так холодно ко мне относилась все это время. Я для нее чужая.

Я бы сказала, что ничего не изменилось, но, увы, это не так. Далеко не так. Давление со стороны, постоянные подколы и напоминания, где же все-таки моё место, вынуждали до боли в мышцах сжимать челюсти, дабы не ответить колкостью на колкость, а потом рыдать, зарывшись носом в подушку, до самого утра. Ещё вчера сестры казались самыми близкими и родными людьми на свете, а теперь я осталась одна против целого мира. Получила нож в спину от тех, кому доверяла больше всего.

Отец поначалу пытался замять эту историю, подкупая журналистов. Но стоило информации попасть в сеть, как её уже было не остановить. Не помогли ни деньги, ни власть. Все пошло прахом. Я стала неудобным элементом, грязным пятном на светлом имени семьи Бэйкер.

Решение пришло внезапно. Поразмыслив, что больше не стоит тратить на меня время и ресурсы, мэр нашёл, как ему казалось, идеальный вариант. Выдать меня замуж.

— Джессика, — громогласный голос отца, от которого трясутся поджилки, вынуждает тут же встать по стойке смирно и натянуто улыбнуться.

Кривлю губы, ощущая, как те дрожат от напряжения, и робко отвожу взгляд. Смотреть на него сейчас — смерти подобно.

— Дорогая, позволь представить твоего будущего мужа, — дыхание перехватывает. Что? — Мистер Харрингтон.

Кончики пальцев покалывает от волнения. Нет, я не безвольная кукла, идущая на поводу у отца и беспрекословно исполняющая любые его прихоти. Но и не бунтарка, к сожалению. Я обычная. Неидеальная. И до боли в груди чужая. Чужая им всем, чужая даже самой себе. А теперь еще и тому несчастному, кому выпала «честь» стать моим супругом. Вместе со мной к нему перейдет и это клеймо, которое не отмыть, не выжечь синим пламенем.

Поднимаю затравленный взгляд на отца, а потом робко поворачиваюсь к мужчине, выжидающе застывшему слева от него. Высокий, с темными, почти черными глазами, грубая щетина, облепившая щеки и подбородок, орлиный нос, непослушные кудри цвета воронова крыла. Он похож на типичного мачо из бразильских сериалов, однако далеко не так красив. Черты лица слишком резкие, словно вытесаны из камня. Невольно вспоминаются женские романы, которые я читала, будучи шестнадцатилетней дурочкой, где каждый первый обязательно «брюнет с невероятными глазами и гипнотизирующим голосом». Как жаль, что это описание ему не подходит.

Сглатываю, неловко перетаптываясь с ноги на ногу. Отец — по глазам вижу — начинает злиться. Приходится взять себя в руки и снова натянуть улыбку. Актриса из меня никакая, но этикет обязывает, поэтому приседаю в глупом книксене — будто мы застряли в девятнадцатом веке, — дожидаясь, когда незнакомец заговорит первым. Но он молчит. Молчу и я, опасаясь гнева отца.

— Джессика, — рычит седовласый мужчина, грубо хватая меня за руку. Обидно до слез. За что ты так со мной, папа? — Представься, — рычит на ухо, подтаскивая ближе к будущему мужу.

— Добрый вечер, сэр, — киваю, застенчиво отводя взгляд. Ладно, возможно я погорячилась. Актриса из меня неплохая. Но что сказать дальше, я не знаю.

— Мисс, — сухо отвечает брюнет. Оценивающе осматривает меня, как товар в магазине, задерживаясь чуть дольше положенного в районе декольте, и нервно дергает щекой. Не понравилась? Пф-ф, я к тебе в жены не напрашивалась! — Когда я смогу забрать мисс Бэйкер? — уточняет у отца. Словно я какая-то игрушка.

— Вещи Джессики уже собраны, — так же безэмоционально отвечает отец.

Слезы щиплют глаза, но я не имею права разрыдаться. Только не здесь, не в этой толпе стервятников, что жаждут моих слез и крови, будто одержимые. Алчные свиньи, не видящие ничего, кроме денег.

Как же быстро продал меня отец. За что? Почему из-за ошибок его молодости должна страдать я? Мне казалось, он любил меня. Я сама души не чаяла в этом холодном, жестоком человеке, зная, что на самом деле он вовсе не такой. Он лучше. А теперь так просто вручает меня, будто приз какому-то...

— Дорогая, можешь попрощаться с сестрами. Мистер Харрингтон будет ждать у выхода.

Смешно. Словно он не знает, что ни Элис, ни Мари больше не считают себя моими сестрами. Прощаться в этом доме, где в один миг я стала чужой, мне попросту не с кем. Но все же улыбаюсь отцу, бросаю еще один быстрый взгляд на брюнета и ухожу. Мне нужно побыть одной, чтобы немного прийти в себя.

Закрываюсь в ванной на втором этаже, брызгаю в лицо прохладной водой и смотрю в зеркало. Каштановые волосы некрасиво выбились из прически, под глазами темные круги, в самих глазах — невыразимые тоска и боль. Хочется утопиться прямо в раковине от осознания того, как же жалко я выгляжу. Держу слезы из последних сил, но и те заканчиваются.

Пока рыдаю, рассматривая сквозь мутную пелену, как кривые черные полосы расчерчивают щеки, слышу за дверью знакомые голоса. Элис о чем-то громко говорит с Мари. Вытираю разводы туши под глазами, шмыгаю носом, медленно приближаясь к выходу, и приникаю ухом к двери. Подслушивать нехорошо. Плевать.

— Бедняжка, она еще не знает, куда попала, — наигранно-грустным сопрано щебечет младшая сестра, а потом обе хихикают. — Ты его видела? Этого Харрингтона? Боже, что за урод.

Сердце замирает на мгновение. О, мать моя женщина, они это обо мне. Чертовы сплетницы!

— Мало того, я слышала, что он был уже трижды женат, представляешь? — тонкий писклявый голос Элис я не спутаю ни с чем. — Сколько ему лет? Тридцать? Фу, еще и старикан!

Девушки снова заливаются смехом. Голоса становятся все тише, а я так и стою, прижавшись всем телом к двери, и боюсь пошевелиться. Мне страшно. Чертовски страшно. Внезапно понимаю, что не просто покину родной дом, но и стану чьей-то женой. Мне придется жить с совершенно незнакомым человеком, мириться с его привычками, есть за одним столом, спать на... Боже!

Пулей вылетаю в коридор. Озираюсь, но мозг будто отключился. Сбежать? Куда? Была бы обычной девушкой без высоких фамилий, давно бы рванула прочь. Но мне некуда пойти, не к кому обратиться. Весь мир настроен против меня.

Но, может, все не так плохо? По крайней мере, я вырвусь отсюда, а дальше... только Бог знает, что будет. А вдруг будущий муж вообще забудет о моем существовании после свадьбы? Интересно, зачем ему жена? Надеюсь, не для удовлетворения мужских потребностей. Потому что, если так, удавлюсь в первый же вечер, но тронуть себя не дам. Нет, я давно не девственница и не такая монашка, какой могу показаться на первый взгляд. Я умею и знаю, как привлекать мужчин. Но всегда только по собственной воле.

Из мыслей выдергивает недовольный голос отца. То, что он сам поднялся сюда — дурной знак. Желает поскорее от меня избавиться. Сердце ноет от тоски, но я уже свыклась с мыслью, что для него больше никто. Просто девчонка, которую он держал при себе долгие двадцать лет. Дал крышу над головой, образование. На этом, видимо, его родительские обязанности закончились.

Подбираю подол слишком длинного платья и бегу к лестнице. Отец сурово смотрит на меня и качает головой, а потом молча протягивает руку, слегка сжимая мою дрожащую ладонь. Давно забытое чувство необходимости в какой-то грубой, неотесанной мужской нежности больно сдавливает грудь. Не подаю вида, как же на самом деле хочется прижаться к горячему телу мужчины, чтобы, как в детстве, гладил по волосам и говорил, что все будет хорошо. Увы и ах. Он подводит меня к мистеру Харрингтону и передает мою руку. Чувствую легкий разряд тока от прикосновения к чужим пальцам.

— Дамы и господа! — голос папы перекрывает шум и музыку. — Хочу поделиться с вами радостной новостью. Моя средняя, но не менее любимая дочь Джессика выходит замуж!

Глава 2

Наша свадьба запланирована на последний понедельник октября и будет проходить прямо в фамильном особняке Харрингтонов. Решив не тратить «лишние деньги на глупый праздник», мой почти муж заказывает всё, что нужно, прямо на дом: украшения, цветы, еду, музыкантов. Свадебное платье, как и прочие аксессуары для невесты, выбираю по каталогу в Интернете. Потому что больше не с кем ходить по магазинам. Да и не хочется лишний раз попадаться на глаза репортерам. Им только дай повод. А от мысли, что на следующий же день страницы местных газетенок опять запестрят нелепыми заголовками с моим именем, становится тошно.

Все две недели, что я живу у будущего мужа, мы почти не разговариваем, ограничиваясь лишь сухими приветствиями и пожеланиями доброго утра/дня/вечера. К счастью, жених выделил мне отдельную комнату в противоположном конце коридора и теперь со спокойной душой делает вид, будто меня не существует. Сам Рэймонд — так его зовут — почти всё время проводит в кабинете. Не знаю, чем конкретно он занимается. Главное, что практически забыл о моем присутствии.

В целом, меня не тяготит нахождение в его доме, мало чем отличающемся от огромного особняка Бэйкеров. По крайней мере пытаюсь успокоить себя тем, что теперь я полноправная хозяйка этого шикарного почти замка в три этажа. Поэтому не отказываю себе в удовольствии бродить по коридорам и заглядывать в комнаты. Других развлечений нет. Разве что считать дни до свадьбы, которая неумолимо приближается...

Всё сливается в сплошное персиково-белое пятно. Голова идет кругом. Ноги гудят. Хочется поскорее скинуть белоснежное платье и прилечь, но чем ближе вечер, тем страшнее становится.

Оказывается, целоваться с чужим, практически незнакомым человеком мерзко. Противно ощущать, как жесткая щетина царапает щеки, а мужские, чуть суховатые губы больно терзают мои. Неприятно чувствовать его прикосновения и вкладывать свою ладонь в его руку. Но ещё более гадко улыбаться и принимать бесчисленные поздравления. Лицемеры! Все они лицемеры, прекрасно знающие, почему я вышла за него.

Рэймонд Харрингтон. Какое глупое имя для такого пугающего существа, на целых две головы выше меня. Он грубый и холодный, словно лед. Действительно жуткий. Ропщу от одного его взгляда и хочу разреваться, как маленькая. Но нельзя.

Торжество заканчивается. Гости разъезжаются по домам, а мой муж берет меня за руку и тащит наверх. В спальню? О, неужели потребует исполнить супружеский долг, когда сам весь вечер только и делал, что пил, изредка оставляя на моем лице поцелуи с ароматом виски? Жмусь, чувствуя, как горят легкие, отчего-то переставшие снабжать организм кислородом. Ладони потеют, особенно та, что крепко зажата в грубой хватке Рэймонда.

Мужчина ведет меня по коридору, не оборачиваясь, печатая шаг, будто солдат, а потом резко тормозит перед моей комнатой. Открывает, бесцеремонно запихивая внутрь, и просто уходит. Это все? Он не тронет меня? Хочется верить.

Запираюсь на ключ, на всякий случай пододвигая к двери тяжелую тумбочку. Теперь он может потребовать от меня все, что угодно, и я не имею права отказать, хотя всеми силами пытаюсь избежать этого.

Отныне я его жена. Миссис Джессика Харрингтон. Даже звучит нескладно, а на душе от этого еще более мерзко.

Скидываю платье прямо на пол и сразу же направляюсь к кровати. Постельное бельё приятно пахнет морским бризом. Падаю на подушки. Засыпаю.

Меня будит какой-то противный скрежет, будто кто-то царапает двери с той стороны. Я бы решила, что это собака, но прекрасно знаю, что никаких животных в доме нет. Приподнимаюсь на локтях, вслушиваясь. Звук повторяется, и мне приходится встать с постели и закутаться в халат. Губы немного дрожат, когда все же решаюсь спросить:

— Кто там?

— Джес... си-ка, — язык муженька еле ворочается, отчего машинально отпрыгиваю назад и перестаю дышать.

Он ещё пару минут скребётся, дёргает за ручку, но потом всё же уходит, а я забираюсь на кровать и обнимаю колени, прижатые к груди. Неужели Рэймонд так напился, что пришел за «долгом» в столь поздний час? Мне страшно и противно. Хочется выть в голос, проклиная чертовых журналистов, которые докопались до истины, сунув свои длинные носы, куда не следует. Если бы не тот парень, я всё ещё жила бы с папой и сёстрами в родном доме. Даже не догадывалась бы, что Кэтрин мне не мать, и продолжала безмятежное существование.

Проходит две недели, а между нами ничего не меняется. Абсолютно ничего. Рэймонд снова делает вид, будто меня нет. Я брожу в одиночестве по дому, иногда читаю или выхожу в сад. Погода портится, деревья стремительно лысеют, а холодный ветер всё чаще кусает замерзшие щеки. Ночами запираюсь на ключ, но муж больше не предпринимает попыток вломиться в мою комнату.

В один из ноябрьских вечеров долго ворочаюсь и не могу уснуть. То снится папа, который прогоняет меня под проливной дождь и кричит, что больше знать не хочет, то Рэймонд вдруг прижимает к стене и начинает целовать в шею, больно сдавливая запястья огромной ладонью. Просыпаюсь с криком.

На утро чувствую себя разбитой. Глаза припухли, под веками легли темные тени. Руки немного дрожат, но заставляю себя доползти до ванной и поколдовать над лицом. Консилер и лёгкий тональный крем выравнивают цвет кожи, расческа врежется в волосы, вытягивая спутавшиеся пряди. Надеваю тёплое домашнее платье и спускаюсь вниз.

Обычно я завтракаю одна, но, судя по голосам внизу, сегодня это будет не так. Первой замечаю Шарлотт — домработницу. За длинным столом сидит выпавшийся и довольный Рэймонд. Заметив меня, он встает и подходит ближе. Отшатываюсь, опасаясь заглянуть в глаза. Не имею ни малейшего понятия, как себя вести. Мы друг другу абсолютно чужие. Я не знаю, что он любит, как жил до брака со мной. Куда делись его предыдущие три жены? Может, он их убил? Я следующая?

— Джессика, — кивает мужчина, опуская ладонь на мою талию, и подталкивает к столу. Отодвигает стул, помогая сесть. Сглатываю. — Прекрасно выглядишь.

Хмуро смотрю исподлобья, как Харрингтон возвращается на место и принимается за трапезу. Мне кусок в горло не лезет. Хочется вскочить и начать крушить столовую, кидаться вещами, кричать, плакать. Но я держусь. Лишь озлобленно кошусь на слишком довольного мужчину, не понимая причины такого веселья.

— Дорогая, сегодня мы идем на прием к твоему отцу, — спокойно произносит Рэймонд, а я роняю вилку. — Будь готова к семи.

— Зачем? — вопрос звучит совершенно не к месту, но слетает с языка до того, как успеваю подумать.

— День рождения твоей сестры, — Рэймонд приподнимает бровь. Точно. Сегодня Мари исполняется восемнадцать. Как я могла забыть?

— Да, верно, — бормочу, беря обратно в руку столовый прибор. Рассматриваю вилку пару секунду, после чего решаюсь задать еще один вопрос. — Мы можем остаться дома?

Мужчина удивлённо приоткрывает рот. Хмурится. Ох, зря спросила. Но потом Рэймонд неожиданно кивает и продолжает как ни в чем не бывало завтракать.

Я удивлена. Поражена. Хочется задать очередной глупый вопрос, но сдерживаю себя, опасаясь, что он может передумать.

— Тебе нравятся лошади, Джессика?

— Что?

— Лошади, — повторяет брюнет, внимательно следя за моей реакцией. — Мы могли бы прогуляться за город к конюшням, если не хочешь на праздник.

Как странно. Разве он не должен таскать меня по разного рода светским мероприятиям и делать вид, что мы пара?

Нерешительно киваю. Мне нравятся лошади, их сила и грация. Я умею ездить верхом и люблю проводить время с этими умными животными.

— Хорошо, — тень улыбки мелькает на суровом лице мужа, на мгновение срывая с него маску холода и высокомерия. — Значит, вечером мы отправимся в конюшни.

Глава 3

Рэймонд держит меня за руку, а я не решаюсь поднять на него взгляд. Мы идём через весь город прямо так, пешком, но мне почему-то уже не хочется сбежать. Да, он всё ещё пугает. Все ещё жуткий и некрасивый. Только что-то как будто изменилось во мне после того, как он согласился пропустить праздник моей сестры. Ведь мы в первый раз сказали друг другу больше трех слов. Удивительно, что он пошёл навстречу, не требуя ничего взамен. Может, решил, что стоит начать нормально общаться, раз живём под одной крышей? Может, я заставила себя привыкнуть к мысли, что теперь принадлежу ему? А может, пытаюсь прямо сейчас как-то оправдать? Не знаю. Если подумать, Рэймонд ни в чем не виноват. Это отец продал меня.

Но я отлично помню, как муж ломился ко мне ночью, и не уверена, что об этом помнит он сам. Потому что утром сделал вид, будто ничего не было, а теперь вообще предложил посмотреть на лошадей. Чего же он хотел? Взять силой? Если и захочет, я даже сопротивляться не смогу. Кольцо на пальце обязывает, и никто не воспримет это как изнасилование. Скажут, что строптивая, и пожалеют бедного Рэймонда. Всего-то.

Мужчина уверенно идёт по главному проспекту, кому-то кивает и периодически останавливается, чтобы пожать руку. Плечусь чуть позади и натянуто улыбаюсь встречным. Ко мне обращаются, как к миссис Харрингтон, но это уже не раздражает. Привыкла, что теперь я не Джессика Бэйкер — дочь мэра, а замужняя дама, супруга богатого и очень известного бизнесмена.

Наконец, узкие улочки заканчиваются. Рэймонд резко сворачивает направо, продолжая волочить меня за собой.

— Не замёрзла? — спрашивает вдруг, бросая короткий взгляд на меня через плечо.

— Нет.

— Хорошо, — задумчиво отвечает мужчина и умолкает. Разговор никак не клеится, я сама не знаю, что можно сказать.

Он держит мою ладонь в своей, и я чувствую, как большой палец осторожно поглаживает кожу. Словно успокаивает. Но я и так чертовски спокойна. О чем мне переживать? В особняке отца я теперь чужая, в своём новом доме — тоже. Я замужем за мужчиной, о котором ничего не знаю, а моей личностью он и вовсе не интересуется. Уверена, этот поход в конюшни — всего лишь повод показаться вместе на людях. Но глубоко внутри мне всё равно приятно. Просто вырваться из этого средневекового замка и побывать где-то ещё. Несмотря на холодный ноябрь. Несмотря на сомнительную компанию.

— Думаю, нужно иногда выбираться в город, чтобы не сойти с ума от скуки дома, — бормочет Рэймонд, снова обращая любопытный взгляд на меня.

— Угу.

— Кстати, ты умеешь ездить верхом? — задаёт очередной вопрос брюнет.

Вскидываю брови и утвердительно киваю. Он непривычно разговорчив сегодня, хотя вряд ли это можно назвать полноценным диалогом.

Пока бредем по извилистой тропинке, пытаюсь представить, что мы счастливая пара, которая вышла на прогулку после тяжёлого дня. Так глупо. Я не испытываю к этому мужчине даже симпатии. Думаю, обо мне он точно такого же мнения.

Тропа снова сворачивает, уходя в лес. Становится не по себе, но не подаю вида. А когда впереди, наконец, брезжит свет, не сдерживаю восторженного вздоха.

Поле, огромное зелёное поле с идеально ровно скошенной травой, на котором пасется около десятка лошадей самой разной масти. Удивительно, но в этой части пригорода природа ещё не успела подготовиться к зиме. На деревьях хоть и виднеются редкие проплешины, всё же они выглядят намного лучше тех, что растут у нас в саду.

— Нравится? — тихо спрашивает Рэймонд.

Я улыбаюсь ему. Наверное, впервые за время нашего знакомства. И, о чудо, он улыбается в ответ. Так вот как он выглядит, когда доволен. Глаза светлеют, меняя цвет с космической черноты на глубокий карий, в уголках появляются морщинки, а на правой щеке — милая ямочка. Не знала, что она у него есть. Неудивительно.

— Идём же, — сама тяну его дальше, и мужчина молча повинуется.

Большой чёрный конь бьёт копытом, когда подхожу ближе к загону. Он невероятен. Прекрасен. Свободен.

— Это Бурч, — поясняет Рэймонд, видимо заметив, как я уставилась на животное. — Он немного своеволен, не советовал бы приближаться.

— Но я хочу...

Харрингтон пару секунд о чем-то размышляет, а потом лихо перепрыгивает через забор и тянет ко мне руки. Серьёзно?

— Давай же, — подначивает мужчина.

Закатываю глаза. Желание получше рассмотреть Бурча пересиливает недовольство, и я неловко принимаю руку Рэймонда. Мужчина тихо смеётся, а потом наклоняется, чтобы ухватить меня за талию, и легко отрывает от земли. По телу бежит ток, замираю, практически не дыша. Какой же он сильный! Ох, неужели я растаяла, только потому что он привёл меня на конюшни и смог поднять на руки? Глупая Джессика!

— Держись рядом, — говорит Рэймонд, снова хватая мою ладонь, после того, как привожу одежду в порядок. — Бурч может разозлиться. С ним очень сложно.

Согласно киваю и осторожно подхожу ближе к жеребцу. Чёрная шерсть сверкает на блёклом ноябрьском солнце крупными бисеринками пота. Он снова бьёт копытом, задирает голову, недовольно фыркая. Выглядит опасно, но при этом завораживающе красиво.

Рэймонд без капли страха смотрит животному прямо в глаза. Кажется, будто они ведут немой диалог. После чего Бурч громко ржёт и... отворачивается от моего мужа, принимаясь жевать траву.

— Я же говорил, — усмехается мужчина. — Гордый.

— Можно мне? — руки дрожат. Но если Бурч и затопчет меня, я буду совсем не против.

— Уверена? — удивлённо уточняет Рэймонд, а когда киваю, лишь пожимает плечами. М-да, похоже, и он не прочь от меня избавиться. И зачем нужно было жениться тогда?

Опасливо обхожу Бурча, едва касаясь кончиками пальцев грубой кожи. Он дёргает головой, бьёт хвостом по ногам, но не отрывается от своего занятия. Даёт понять, что заметил чужое присутствие, но до меня ему нет никакого дела.

Глажу его по морде, аккуратно переходя на уши и гриву. Она тёплая, немного спутанная и пахнет прелой соломой. Мне нравится. Бурч поднимает на меня чёрные глаза и смотрит в упор. Сердце сжимается от страха. В его взгляде столько понимания и тоски. Как будто знает обо всех моих печалях. Ох, милый мой, сейчас бы забраться тебе на спину и укатить в закат, да только я точно так же, как и ты, нахожусь в клетке. У тебя забор, у меня — кольцо на пальце и брачный договор. Это так несправедливо.

Рэймонд неожиданно оказывается за спиной, и я вздрагиваю. Мужская ладонь ложится поверх моей. Он неприлично близко, ощущаю кожей горячее дыхание. Бурч издаёт громкий звук губами, будто выражает негодование. А я боюсь пошевелиться, оказавшись зажата с одной стороны сильным телом мужа, с другой — лошадиной мощью и изучающим взглядом.

— Ты ему понравилась, — шепчет на ухо Рэймонд. Дрожу. — Теперь он твой.

— Мой?

— Да, — ощущаю, как мужчина становится ещё ближе. Практически вжимаюсь в его грудь позвоночником. Все-таки конь сейчас представляет больше опасности, чем Харрингтон.

Он начинает вести мою ладонь по чёрной гриве, и Бурч, наконец, отводит глаза, склоняясь обратно к траве. Рука скользит дальше от мощной шеи к плечу.

— Чувствуешь? — спрашивает Рэймонд.

— Да, — говорю неуверенно, не особо понимая, о чем речь.

— Какая сила сокрыта в этих мышцах, какая скорость подвластна этим ногам.

— Да, — повторяю чуть громче. Он прав. Бурч великолепен.

Только почему-то кажется, что Рэймонд говорит не только о жеребце, но и о себе. Они ведь так похожи. И как я сразу не поняла? Тёмный, молчаливый, гордый и... мой. Мои. Оба.

— Думаю, на сегодня достаточно, не стоит попусту беспокоить его, — мужчина отпускает мою руку, и я разочарованно вздыхаю, потому что не хочу возвращаться домой. Но Рэймонд расценивает это по-своему. Опять берет мою ладонь, переплетая пальцы. Не сопротивляюсь. — Идем?

Мы возвращаемся тем же путём. Я уже скучаю по Бурчу, но молчу всю дорогу до особняка.

Рэймонд зачем-то провожает меня до спальни. Не успеваю понять, как он неожиданно хватает меня за талию и прижимает к себе, грубо целуя. Мычу в его губы, ощущая, как от страха трясутся колени. Я так и думала, что он потребует плату за прогулку! Мы пропустили день рождения Мари, и наверняка отец был недоволен, высказав все мужчине. А теперь он срывается на мне. Какая же ты дура, Джессика! Так легко поверила в его благородство.

— Я не трону тебя, — мужчина на мгновение отстраняется. Вкус его губ всё ещё неприятен, хотя уже и не вызывает омерзения. Только боюсь, он захочет большего. — Пока ты сама не попросишь, — добавляет быстро, чмокает напоследок и тут же отпускает.

Прижимаюсь спиной к двери, боясь рухнуть на пол. Губы дрожат. Дыхание такое частое и шумное, что пугает. Рэймонд странно улыбается, кивает и разворачивается на пятках в сторону лестницы. Скорее всего снова всю ночь просидит в своём кабинете.

Когда он скрывается за поворотом, вваливаюсь в комнату, привычно запираюсь на ключ и падаю на кровать. Пальцы невольно тянутся к губам. Мотаю головой, чтобы выкинуть дикую мысль: этот поцелуй совсем не такой, какие были у нас на свадьбе. Приятнее. Тогда мы целовались на публику — иначе я бы ни за что в жизни не позволила ему прикоснуться ко мне — и от него несло алкоголем. А вот сегодня... Было в этом что-то искреннее, что ли. Голова начинает болеть от напряжения. Потираю виски, но ощущение только усиливается. Зачем? Зачем он меня поцеловал? Знает же, что не хочу, точно знает.

О нет, он не дурак. Рэймонд хитрый и очень умный. И так похож на Бурча. Интересно, мне разрешат на нём прокатиться? Уверена, нестись по полю на бешеной скорости невероятно. Но раз теперь лошадь моя, почему бы не попробовать? Даже если я упаду и сломаю шею, никто не будет грустить обо мне. Особенно Рэймонд.

Глава 4

Проходит ещё месяц, и город забывает о грандиозном скандале, связанном со мной, словно его никогда и не было. Отец звонит раз в неделю узнать о моих делах, но голос его всегда звучит сухо и раздражённо. Сестры и вовсе забыли о моем существовании. Особенно после того, как пропустила праздник Мари, а потом ещё и помолвку Элис. Слышала, она выходит за какого-то британца. Пусть на душе до сих пор тоскливо и гадко, стараюсь подавить чувство жалости к себе. Можно бесконечно долго жалеть себя, только в этом нет никакого смысла. Уже ничего не изменить, остается принять как данность, что из родных у меня остался только муж. Мой чужой и далекий муж.

Наше общение с Рэймондом выглядит каким-то неуклюжим и неловким, словно каждый боится сказать лишнего. Про поцелуй месячной давности я стараюсь не думать, но нет-нет, а пальцы тянутся к губам, когда вспоминаю ощущения от прикосновения чужих губ.

Пару раз мы с Рэймондом выбираемся в город, ходим по магазинам и едим мороженое. Иногда он рассказывает удивительные истории о своих путешествиях, но упорно отмалчивается, когда дело касается прошлой жизни и бывших жён. Говорит, что теперь у него есть только я, а я, кажется, начинаю оттаивать. Руки уже не трясутся от одного взгляда темно-карих глаз, и я с удивлением понимаю, что мужчина довольно интересный собеседник, способный часами развлекать меня небылицами и даже смешить. Он больше не кажется злобным троллем, похитившим прекрасную принцессу. Теперь вижу в нем своего спасителя. Нет, я все ещё хочу уйти, но по крайней мере уже не шарахаюсь от Рэймонда по углам, пусть до сих пор и запираю комнату на ночь.

С каждым днем мне становится всё интереснее, чем он занимается, когда не проводит редкие минуты со мной. Почему закрывается в своём кабинете, куда уходит по вечерам? Иногда кажется, что я скучаю по нему, но потом гоню эту мысль, списывая все на банальное любопытство. Должна же я знать хоть что-то о человеке, с которым живу. Я его жена, в конце концов!

Может, стоило бы попытаться понять его, залезть в душу, но всё ещё опасаясь, что после этого мне придётся делить с ним постель. Я точно к этому не готова. Пусть пару раз и позволяла целовать себя на людях, однако это были скорее целомудренные поцелуи, чем наполненные желанием. Рэймонд говорит, что мы обязаны играть свои роли, только почему мне кажется, что он лукавит?

Вечером в пятницу он неожиданно предлагает сходить в кино. Пару минут смотрю с недоверием, но потом мужчина улыбается, и я соглашаюсь. Ох, Джессика, что же ты творишь?

Мы сидим в душном кинозале и ждём начала фильма, когда Рэймонд вдруг убирает ручку кресла, доселе разделявшую нас, и просовывает ладонь между моей поясницей и сидением. Дёргаюсь, но молчу, потому что мне это... приятно? Вот черт, и когда я успела перейти эту грань от ненависти до объятий в тёмном зале кинотеатра?

Слышу, как Рэймонд облегчённо выдыхает и немного ерзает, придвигаясь ещё ближе. Щеки заливают румянец, сердце начинает стучать, словно сумасшедшее. Что я делаю? Почему позволяю обнимать себя? Неужели настолько отчаялась в одиночестве, что согласна на все, лишь бы почувствовать свою необходимость?

Гаснет свет, люди умолкают, хотя все равно слышу, как кто-то шуршит пачкой чипсов и тихо переговаривается. На экране появляется главный герой, который тут же стреляет в человека. Вздрагиваю. Муж дёргает меня на себя, прижимая к боку, и я, к своему стыду, тут же прячу лицо у него на груди. На экране очень натурально показывают кровь, жуткие раны, а крики умирающего рвут барабанные перепонки. Он серьёзно думал, что мне понравится на это смотреть? Или это хитроумный план, чтобы я жалась к нему от страха и омерзения, а Рэймонд мог лапать меня в ответ?

— Эй, — слышу, как он тихо зовёт меня. Нехотя поднимаю голову, сразу же встречаясь с мужчиной взглядами. — Кажется, я перепутал и взял билеты не на тот фильм. Может, пойдём?

Облегчённо вздыхаю и кошусь на экран. Боже, там кого-то режут! Становится плохо, похоже, я бледнею, потому что Рэймонд неожиданно встаёт, подхватывает меня на руки и несёт на выход. Обнимаю его за шею, чувствуя лёгкое головокружение. Я слишком впечатлительна для таких фильмов.

Мужчина, не выпуская меня из рук, осторожно садится на диванчик в фойе. Многие пляшутся, но мне плевать. Сейчас он моя единственная опора и защита, и я благодарна ему.

— Ты как? — взволнованно спрашивает Рэймонд, убирая прядку с моего лица, и я снова дрожу, потому что он задевает пальцами кожу на щеке. Место прикосновения горит огнём. Ощущаю, как краснею. Смотрю ему в глаза, не в силах отвести взгляд: их холодный космос затягивает, не оставляя шанса на спасение.

— Я в порядке. Наверное.

Почему-то вспоминаются истории о том, как жертва влюбляется в своего похитителя. Когда ненависть перерастает в неожиданную болезненную привязанность, а злодей становится любовником. Вряд ли такое однажды случится с нами. Фактически Рэймонд меня не похищал. Можно сказать, я ушла к нему добровольно. Конечно, это не совсем так, но по крайней мере я не живу в сыром подвале, куда он спускается раз в сутки, чтобы поменять утку или сделать мне больно.

О чем я вообще думаю? Что за бред? Я просто слишком слаба после увиденного на экране, вот и сочиняю какую-то ерунду. Но то, что что-то изменилось во мне по отношению к нему, глупо отрицать. Сколько нужно времени, чтобы привязаться к человеку, просто находясь с ним под одной крышей?

— Прости, — искренне извиняется мужчина, почему-то не убирая руку от моего лица. Чувствую, как он гладит скулу, задевает лоб и линию роста волос. Мне нравится это ощущение и одновременно пугает. Он так нежен и осторожен. — Поедем домой или хочешь прогуляться?

— Гулять, — бормочу. Мне нужно подумать, а лучше всего это делать на свежем воздухе.

Рэймонд осторожно встаёт и опускает меня на пол. Убедившись, что крепко стою на ногах, помогает застегнуть пальто, берет за руку, как делает это всегда на людях, и мы направляемся на выход. Меня всё ещё немного мутит, поэтому приходится прижаться к нему крепче. Мужчина снова обнимает меня за талию. Поджимаю губы. Это приятно. Черт возьми, мне приятно его прикосновение! Что дальше? Позволю себя поцеловать? Соглашусь исполнить супружеский долг? Хотя мне никто не запрещает просто наслаждаться его компанией. Да ведь?

Мы медленно бредем по заснеженному городу в сторону дома, как самая обыкновенная пара. Рэймонд глупо шутит, я смеюсь. Решаю подумать обо всём, что гложет меня в последнее время, позже. Сейчас мне просто хорошо, не хочется портить момент. Их у нас и так не слишком много. Так почему бы просто не прогуляться с мужем зимним вечером и не поговорить ни о чем?

С крыши какого-то магазинчика неожиданно срывается целая куча снега. Успеваю отскочить, и весь удар принимает мужчина. Сначала пугаюсь — там могли быть сосульки, — но, когда слышу приглушенную ругань и сугроб начинает шевелиться, нервно хихикаю. Рэймонд осторожно выбирается из холодного месива, отряхивая волосы и куртку. В этот момент он выглядит так забавно и так... обычно, что смех из истеричного превращается в самый настоящий. Держусь за живот, едва не складываясь пополам.

Но тут Рэймонд хватается меня за руку, тянет на себя, и мы падаем в кучу снега, только теперь я лежу на мужчине сверху и возмущённо верещу. Он проворно переворачивает меня, подминая под себя, а я задыхаюсь на мгновение. Белые снежинки беспорядочно сверкают в его чёрных кудрях, парочка дрожит на кончиках ресниц. Тянусь, чтобы сдуть их, но в этот момент Рэймонд склоняется и прижимается к моим губам. Поначалу кажется: я должна его ударить

и заставить слезть. Пока не понимаю, что целую мужчину в ответ, мои руки держатся за его плечи, а сердце стучит так быстро, что становится больно. Распахиваю глаза шире, встречаясь с темными радужками Рэймонда. Он медленно отстраняется, пристально всматриваясь в мое лицо. Растерянно хватаю влажными от поцелуя губами воздух, так же, не отрываясь, изучаю его. Почему-то чуть кривой орлиный нос уже не кажется таким уродским, а густые чёрные брови и вовсе идеально гармонируют с довольно бледной кожей лица.

Пару минут мы молча смотрим друг на друга, оба не зная, что сказать. Я только что по своей воле целовалась с человеком, которому меня продал отец. Я ненавидела его, хотела бежать, а теперь... Что?

— Вставай, замёрзнешь, — Рэймонд первым приходит в себя, помогая подняться. Отряхивает одежду. Молчу. — Джесс, всё в порядке? — от сокращения своего имени вздрагиваю. Так непривычно. Обычно он зовёт меня просто «Джессика» или «дорогая».

— Да, пошли домой, пожалуйста.

В голове каша. Просто каша из мыслей, воспоминаний, упреков себя в неосторожности и непонимания собственных чувств. Пытаюсь собрать всё воедино, вычленив самое важное, разложить по полочкам, но ничего не выходит. Потому что всё перебивает одна-единственная догадка, от которой, если честно, немного страшно. Он нравится мне. Мой муж мне нравится. Нравится, чёрт возьми! Как это случилось? Когда? Дни, в которые мы нормально общались, можно пересчитать по пальцам одной руки, а я уже успела проникнуться симпатией?!

Мотаю головой, прогоняя дурные мысли. Нет, это не симпатия, просто привычка. Это просто какой-то бред. Или?..

Глава 5

Меня будит настойчивая трель звонка, и я нехотя приподнимаюсь, чтобы взглядом отыскать телефон. Аппарат находится на прикроватной тумбочке. Беру, даже не посмотрев, кто звонит.

— Джессика? — сон как рукой сняло. Писклявый голосок Элис раздаётся в трубке, и я едва не подпрыгиваю от удивления. — Просыпайся, соня, — смеется сестра. Что происходит? — Ты мне нужна сегодня!

— Привет, — шепчу неуверенно. Похоже, у меня галлюцинации. Иначе с чего бы старшая сестрица стала звонить в девять утра? Может, что-то с отцом? От этой мысли становится дурно, и я спешу поинтересоваться: — что случилось? Как родители? Мари?

— С ними все в порядке, крошка, — чуть раздраженно отвечает Элис. — Наверняка ты уже слышала, что я выхожу замуж. Хочу, чтобы ты составила мне компанию в походе по магазинам. У тебя все-таки уже есть... опыт.

Ах, вот оно что. Ладонь, до боли сжимающая телефон, ослабляет хватку, и я выдыхаю.

— Да, конечно, — отвечаю радостно. Хотя на душе все еще не так спокойно, как хотелось бы. — Где и во сколько?

— Успеешь добраться до Вэйлмор-стрит к одиннадцати? — это в центре города, а с учетом, что живу я в пригороде... — Джесс?

— Да-да! — спешу ответить сестре, прикидывая во сколько мне обойдется поездка на такси. Хотя какая разница, если мой муж практически миллионер. — Думаю, Рэймонд выделит мне машину с водителем.

— Оу... Рэймонд, — Элис умолкает, но потом я слышу, как она странно вздыхает и продолжает: — Тогда увидимся у торгового центра, крошка.

Пару минут смотрю на экран телефона. Это было очень странно, но, может, сестра немного оттаяла и больше не злится на меня? Я ведь ничего плохого не сделала. Стала жертвой обстоятельств, но моей прямой вины здесь нет. Кто бы что ни говорил, я всё ещё считаю обеих девушек сёстрами и безумно по ним скучаю. С Мари всегда было сложнее, но Элис. Она не такая. Более мягкая, нежная. Понимающая.

Решив, что точно поговорю с ней обо всём сегодня во время шопинга, выбираюсь из постели и иду в ванную.

Рэймонд сидит за столом с чашкой кофе и свежим номером газеты. Поднимает голову, когда подхожу ближе и тихо здороваюсь. До сих пор не знаю, как относиться к нему и тому, что я чувствую. То, что мужчина начинает мне нравиться — неопровержимый факт, но вот его холодная сдержанность и безразличный взгляд порой умудряются выбить из колеи. Он то игнорирует меня, то становится неожиданно нежным и заботливым. Всё чаще ловлю себя на мысли, что хочу узнать его лучше, только ужасно боюсь сделать первый шаг. Поначалу я списывала всё на банальное любопытство, но чем дальше, тем сильнее ощущение, что это обычные отговорки. Мне на самом деле хочется разгадать его, понять, что за человек скрывается за этой личиной, потому что... Тайны всегда манят, не так ли?

— Доброе утро, дорогая, — мужчина поднимается из-за стола, чтобы подойти ближе и осторожно мазнуть сухими губами по моей щеке. Намеренно чуть поворачиваю голову, на секунду соприкасаясь с ним губами, и задерживаю дыхание. Я сошла с ума, если мечтаю о его поцелуе. Что он делает со мной, черт возьми?! — Ты куда-то собираешься? — как всегда невозмутимый. Раздражает.

— Да, звонила Элис, — Рэймонд приподнимает брови, — пригласила прогуляться по магазинам. Ты не против?

— Нет, — отвечает брюнет, усаживаясь на место. Шарлотт приносит мой завтрак. Как только женщина исчезает за дверью, муж предлагает: — я отвезу тебя.

— Не стоит.

— Джесс, — прерывает, многозначительно глядя мне в глаза. Ах, ну да, я же его жена. Почему он вспоминает об этом только, когда нам нужно выбраться в город?

— Ладно, — принимаюсь за еду, стараясь не замечать странных взглядов мужчины.

Уже через полчаса мы сидим в его машине, марки которой я не знаю. Город за окном похож на сказочную картинку: всё мигает и переливается яркой иллюминацией, несмотря на то, что ещё слишком светло. Весёлые снеговики и эльфы украшают почти каждый двор или магазин. В воздухе витает запах праздника. Рождество. Обожаю.

Рэймонд привычно спокоен, смотрит на дорогу, сдвинув брови к переносице, а я не отказываю себе в удовольствии рассматривать его. Не очень прилично, знаю. Тёмные волосы заметно отросли, и он убирает их назад, только вот упругие кудряшки сразу возвращаются на место, отчего мужчина едва слышно шипит. Удивительно, но его внешность больше не кажется мне отталкивающей. Подозреваю, что просто привыкла, ведь вижу его почти каждый день. Упускаю из вида момент, когда начинаю тянуть руку к его волосам и касаюсь завитушки у лба. Раймонд вздрагивает.

— Прости, — тут же отдёргиваю себя.

Мужчина молча поворачивается — как раз на светофоре, загоревшемся красным, — и берет мою ладонь в свою, сжимая пальцы. По телу пробегает дрожь. Моргаю, глядя куда угодно, только не на него.

— Джессика?

— М-м? — щеки окрашиваются пунцовым, но я всё так же старательно игнорирую мужа.

Взгляд опускается на наши переплетенные пальцы, и я громко сглатываю. По коже растекается ток, бегущий дальше — по венам — куда-то в область сердца. Его рука сухая, горячая, немного шершавая, но мне всё равно до чертиков приятно ощущать ее своей.

— Ты какая-то не такая сегодня, — говорит мужчина, и я осмеливаюсь поднять на него глаза. Серьезно? Только сегодня? Не с того дня, когда мы валялись в холодном сугробе, и ты целовал меня? Не с тех пор, когда брели домой, держась за руки, словно влюбленные школьники? Ох, Рэймонд... Какой же ты дурак! — Всё в порядке? Волнуешься из-за встречи с сестрой?

— Да, — пишу, выдергивая руку из его ладони. Кожа пылает, но я старательно игнорирую это ощущение. — Поехали, — киваю на зеленый свет светофора.

В полной тишине доезжаем до магазина. У крыльца, украшенного еловыми ветками, топчется Элис. Как всегда безупречна. Светлые кудри отросли почти до поясницы. Синее драповое пальто, белый шарф крупной вязки, высокие ботильоны. Она словно сошла с обложки. Никогда не считала себя красивой, особенно, когда рядом была Эл. Но никогда и не завидовала. Каждый хорош по-своему. Просто она чуть лучше меня. Вот и всё.

Собираюсь выйти, однако Рэймонд первым открывает двери, обходит авто, а потом дергает ручку с моей стороны. Непонимающе заглядываю ему в глаза. Решил поиграть в джентльмена? Ладно. Подаю руку, ощущая уже привычные мурашки от соприкосновения пальцев.

Мужчина чуть тянет вперед. Оступаю, не ожидая подобной выходки, поэтому падаю чётко в его объятия и по-дурацки замираю. Руки Рэймонда смыкаются на талии, волосы на макушке шевелятся от частого дыхания. Не понимаю, это его сердце так быстро стучит или моё?

— Осторожнее, — тихо говорит он в мои волосы.

— Спасибо.

Поднимаю голову, снова встречаясь с мужчиной взглядами. Какая я неловкая. А еще — о, я уверена, — опять покраснела. Сколько же он будет меня смущать?!

— Позвони, когда соберёшься домой, — просит Рэймонд, мягко отодвигаясь. — Я заберу тебя. Кстати, если хочешь, можешь купить себе что-нибудь.

Пф-ф! Так и хочется закатить глаза. Вот уж спасибо, мой добрый рыцарь с золотой кредиткой, но я могу позаботиться о себе сама. Криво улыбаюсь, понимая, что всё это время Элис ждет и наверняка уже замёрзла. Выкручиваюсь из рук мужа и кидаю быстрый взгляд в сторону сестры. Она хмуро пялится в ответ.

— Мне пора, — прикусываю губу, не решаясь поцеловать мужчину на прощание, хотя и понимаю, что нужно. На людях мы обязаны играть свои роли. Тем более Эл смотрит. Не хочу, чтобы она потом нажаловалась отцу, если поймет, что у нас не все так гладко. — Пока?

— Джессика, — он почему-то качает головой, а потом снова сгребает меня в охапку и прикасается губами.

Голова кружится. Жмусь к нему всем телом, с жаром отвечая на поцелуй. Мороз щиплет щеки, губы, наоборот, горят огнём. Хочется ещё. Больше. В какой-то момент просто отключаю сознание и соскальзываю ладонями по его плечам к шее, потянув ближе на себя. Мужчина удивленно распахивает глаза. Не отпускаю. Через мгновение его руки больно впиваются в талию. Кажется, ещё чуть-чуть, и он просто усадит меня на капот и перейдет поцелуями ниже. На шею. Ключицы. Грудь. Ох...

— Пока, — отвечает прямо в губы Рэймонд, пока я с наслаждением ворую его дыхание и не решаюсь открыть глаза.

— Пока...

Глава 6

Элис не произносит ни звука, пока идём к свадебному салону, и только на пороге вдруг оборачивается и странно улыбается:

— Так это правда?

— Что? — непонимающе хлопаю ресницами.

— Он не такой злодей, как говорят? — О, это она про Рэймонда. Еле сдерживаю смехок.

— Он... странный, — неоднозначно пожимаю плечами. Взгляд приобретает задумчивость. Смотрю куда-то сквозь сестру и только после ее сдавленного писка понимаю, что улыбаюсь. — Ну что ещё?

— Ты влюбилась! — кричит Элис, а я стою, словно громом поражённая. Неужели так замечать... Но я не влюбилась! Нет! Отрицательно мотаю головой. — Да-да! Влюбилась! — девушка прыгает на месте, хлопая в ладоши, словно ей десять. Хмурюсь.

— Нет.

— Врёшь, — весело смеется сестрица. Совсем, что ли? — Ах, крошка, это так чудесно! Боже, я так рада за тебя, Джессика! А он?

Всё же не выдерживаю и закрываю глаза. Что она несет? Да не влюбилась я! А он тем более. Вообще не уверена, что Рэймонд когда-то сможет полюбить меня, даже если где-то глубоко внутри мне этого очень хочется.

Беру сестру за руку и тащу в салон, чтобы поскорее избавиться от восторженных воплей. Девушка сразу переключается на роскошные свадебные платья, что дает мне немного времени побыть наедине с собой.

Пока сижу на кожаном диванчике и жду начала «показа мод» от вечно суетящейся Элис, в голове снова образуется каша. Разве я многого прошу? Всего лишь простого — нормального! — человеческого общения с мужчиной, с которым делю дом. Я ведь не предлагаю ему стать лучшими друзьями или образцовой парой. Просто хочется хоть иногда чувствовать, что я кому-то нужна, что не одинока, хотя в последнее время он стал относиться ко мне намного теплее. Хочется большего, хочется, хочется...

Нет, я точно знаю, что привлекаю мужчину в сексуальном плане. Потому что реакция тела всегда неизменна: тёмные глаза, полные желания, руки, требовательно касающиеся моего тела, губы. От поцелуев кружится голова. Дыхание перехватывает. Еще месяц назад я и думать боялась о физической близости, но, кажется, долгое воздержание играет со мной злую шутку. Его прикосновения дурманят похлеще алкоголя, и мне хочется, чтобы это продолжалось вечно, но он никогда не переходит грань. Ах, Джессика, о чём ты думаешь?..

А Рэймонд? Не припомню, чтобы муж хоть раз не ночевал дома. Но и не имею ни малейшего понятия, чем он занимается в своем кабинете. Водит женщин? Возможно. Ох, сердце тут же заходится в болезненном ритме. Неужели ревную? Сама мысль о том, что он может касаться других женщин, ранит.

Яростно сжимаю кулаки как раз в тот момент, когда на небольшом подиуме появляется сестра. Боже, как она прекрасна!

— Ну как тебе? — Элис забавно крутится, удерживая пышный наряд за подол, и смеется. Она такая яркая и теплая, как солнышко. — То, что нужно, или посмотрим другие?

— Ты великолепна, милая, — отвечаю со всей искренностью. Глаза щиплет от нахлынувших чувств. Своё платье я выбирала по принципу «и так сойдёт», ведь вообще не хотела замуж. Лучше бы и не выходила. Всё лучше, чем терзать себя глупыми надеждами. — Если нравится, бери его. Но я, если что, никуда не тороплюсь.

— Конечно, — лукаво улыбается сестрица. — Только домой к своему горячему мужчине, да?

— Эл, — цокаю, заливаясь краской. Когда-нибудь я научусь не краснеть. Но, кажется, не в этой жизни.

— Ладненько! — она хлопает в ладоши, скрываясь за шторкой. Через пару минут консультант оформляет сестре покупку, а потом Элис хватает меня за руку и тащит куда-то дальше по коридору. — Нам нужно бельё!

— Нам?

— Конечно! — смеется, отчего в уголках глаз появляются тонкие, почти незаметные морщинки. — Или у тебя есть иной способ соблазнения мужчин?

Большие карие глаза смотрят в упор. Тушуюсь. Почему-то становится стыдно от того, что мы еще ни разу не... Да и как могло что-то быть, когда я постоянно шарахалась от Рэймонда, а он ни разу не перешёл черту?

— Джесс? Неужели, вы не... ну...

— Нет, — на миг закрываю глаза, останавливаясь посреди по-рождественски украшенного торгового центра.

— Почему? Мне казалось, у вас все хорошо. Крошка? — искрящийся взгляд сестры мгновенно тускнеет. Видимо, она решила, что я живу и радуюсь под крылом такого замечательного мужчины, и даже не подозревает, что на деле веду себя как последняя идиотка. — Так дело не пойдёт. За мной!

Элис опять волочит меня, словно я ничего не вешу, по коридору и останавливается у небольшого бара-кафе. Решительным шагом направляется к барной стойке.

— Две «Пина колады», — кидает несколько купюр молодому парнишке, одетому в забавный свитер с оленями, после чего мы идём за столик. — Рассказывай, — приказывает, включая заботливую старшую сестру.

И я рассказываю. Обо всём, что происходило в моей жизни после свадьбы, не забыв упомянуть и про Бурча, который до конца зимы обитает в шикарной конюшне за городом, и про поход в кино, закончившийся внезапным поцелуем. Про прогулки, кафе и даже ванильное мороженое, которое оказалось ужасно невкусным, и Рэймонд съел его сам. Элис внимательно слушает. Иногда хмурится, иногда приподнимает брови, показывая удивление. Когда заканчиваю, ощущаю, как её тонкие — словно у пианистки — пальцы нежно поглаживают мою ладонь. Как в детстве, когда я грустила, а она утешала меня. Всегда только она.

— Джессика, ты дура?

— Что?! — отшатываюсь, резко вырывая ладонь из её рук.

— Ты правда не понимаешь? — Элис злится, принимаясь нервно стучать ногтями по столешнице. Нам приносят напитки. Девушка, даже не глядя на симпатичного официанта, просит повторить заказ. — Он же явно к тебе неровно дышит. И в кого ты такая глупая?

— Неправда, — мотаю головой. Сама не знаю, с каким из пунктов не согласна в первую очередь: с тем, что нравлюсь Рэймонду, или тем, что сестра считает меня глупой. — Он же, как... сосулька, блин, бесчувственная!

— Ну да, — девушка качает светлой гривой и усмехается, — поэтому зажимает тебя по углам, постоянно прикасается, целует и лично отвозит на встречу с сестрой.

— Это ничего не значит. Банальная вежливость, — продолжаю протестовать, мысленно уничтожая крошечный росток надежды, зарождающийся в сердце. Если хоть на мгновение позволю себе поверить в чувства Рэймонда, потом будет значительно больнее падать. Не хочу собирать осколки своего разбитого сердца, напиваясь под грустные песни. Противоречу сама себе. С одной стороны, радость поднимается из глубины, а с другой — топлю ее сама. — Ты же видела его! И да, я слышала, о чем вы говорили с Мари в день нашей помолвки. Как там?... «Бедняжка, она еще не знает, куда попала».

Элис смущается, отводит взгляд. Думала, я не узнаю, как они смеялись надо мной? Нежность, еще минуту назад заполнявшая сердце, начинает стремительно таять, сменяясь злостью. Главное, не разрыдаться от обиды.

— Прости, это было глупо и бестактно. Но и ты пойми, — не хочу слушать ее оправдания, — мы все тогда были немного на взводе.

— Да? И что же изменилось теперь? Пришла смеяться надо мной? И где, черт её дери, Мари?!

Вскакиваю с места, невольно пугая бедного бармена, едва не выронившего большую кружку пива. Дергаю головой, переводя взгляд обратно на сестру. Элис, бледная и какая-то испуганная, кусает губы, но смело смотрит в ответ.

— Прости, я не хотела тебя обидеть, — чеканит каждое слово. Выдыхаю. Уже не злюсь, пусть отголоски раздражения всё ещё плещутся в мыслях. Сажусь обратно, придвигая бокал с коктейлем. Выпиваю. — С Мари я больше не общаюсь. Она предала меня, и я пока не готова это обсуждать.

Вот так новость. Что же случилось? Мари всегда отличалась буйным нравом и немало нервов потрепала в своё время всем членам семьи, но чтобы напакостить Элис. Должно случиться что-то из ряда вон выходящее, раз старшая сестра оборвала с ней связи.

— Я расскажу. Потом, — обещает Эл. — А пока скажи, что ты меня простила. Была не права, каюсь. Мы ведь ничего не знали о нём, какой он. Только сплетни, которые, сама знаешь, распространяются со скоростью света. Но теперь я вижу, что, на самом деле, Харрингтон не такой зверь, каким его описывают, раз ты испытываешь к нему... чувства.

Задумчиво верчу в пальцах опустевший бокал. Не могу долго злиться на нее. Официант приносит новую порцию напитка. Как вовремя. Поднимаю его в воздухе, чокаясь с девушкой. Элис понуро улыбается.

— Хорошо, — говорю спустя минуту после того, как почти половина «Пина колады» проскальзывает в желудок, — я больше не злюсь.

— Чудненько! — тут же восклицает Эл, а потом склоняется ближе и игриво произносит: — Ты должна соблазнить его.

— Что?

— Ты слышала, — смеётся, играя бровями. Сумасшедшая. — Джесс, ну что ты теряешь? Переспи с ним, ты же хочешь, я знаю. И ты ему точно нравишься. Думаешь, я не видела, как вы целовались у машины? Да он тебя съесть был готов! Когда люди не испытывают друг к другу влечения, таких поцелуев не случается.

— Не думаю, что это хорошая идея, — смущаюсь, но всё же всерьёз обдумываю её слова. Ведь я вовсе не против.

Нет, стоп! Это бред!

— Ох, крошка, ну неужели он настолько плох? Заодно и узнаешь, каков твой драгоценный муженек в постели, — продолжает убеждать меня Элис.

А хочу ли я знать? Возможно, да.

Глава 7

Когда Рэймонд забирает меня домой, ноги путаются, а глаза блестят от алкоголя. Никогда не умела пить, обычно ограничивалась бокалом вина или шампанского, но с Элис сложно остановиться. После третьей порции коктейля мы умудрились прикончить ещё и бутылку «Пино-нуар», отчего я быстро опьянела.

Муж ничего не говорит, даже когда пытаюсь повиснуть у него на шее и поцеловать. Лишь ловко отворачивается, и я разочарованно выдыхаю ему в щеку. Сажусь в машину, сама пристегиваюсь и устремляю взгляд в окно. Сфокусироваться на чем-то одном практически невозможно. Боюсь, что меня стошнит, поэтому закрываю глаза...

Сначала чувствую, как кто-то несёт меня на руках. Громко хлопает входная дверь. Шарлотт о чем-то разговаривает с Рэймондом, а потом он просит принести пару таблеток от похмелья. Утром будет стыдно. Но это завтра, сегодня у меня немного другие планы.

В комнате всё ещё делаю вид, будто сплю, даже когда слышу тихое бормотание мужчины. Он бережно стаскивает с меня обувь и платье. Дыхание становится громче, но он быстро успокаивается, накрывает меня одеялом и просто уходит. Смешно настолько, что хочется разреветься.

Здравый смысл успокаивает, говоря, что это правильно. Если он воспользуется моим состоянием, это будет грязно и подло с его стороны. И я всё прекрасно понимаю. Но, с другой стороны, обида/задетое самолюбие/женская логика — нужное подчеркнуть — вынуждает меня подняться и, пошатываясь, отправиться в комнату мужа, чтобы, наконец, всё прояснить. Сегодня я смелая.

Хочу получить ответы! Хочу узнать, что он чувствует ко мне и чувствует ли хоть что-то вообще! Может, он робот? Инопланетянин? Боже, а если гей? Значит, исправлю и сделаю натуралом. Желает Рэймонд или нет, но я заставлю его поговорить со мной! Надоело отсутствие хоть какого-то понимания того, что между нами происходит. И вообще больше не позволю ему целовать себя даже на публику, пока не выведу всё, что хочу. Перебьется! Ух!

Уже на полпути к спальне Рэймонда вспоминаю, что мы с Элис все-таки купили новое нижнее бельё. Возвращаюсь, ощущая, как качаются стены, а пол под ногами плывёт. Заползаю в ванную. Холодная вода немного приводит в чувство.

Вытряхиваю на постель красивый розовый комплект, едва прикрывающий мои женские прелести. В жизни бы такого не надела по своей воле, но тут случай особый. И весьма запущенный. Накидываю на плечи тонкий шёлковый халат, взлохмачиваю волосы.

В комнате мужчины не обнаруживается. Ударяюсь пару раз лбом об его дверь. Наверное, он в кабинете. Подозрение, что муж водит туда других женщин, подогревает намерение ворваться в его обитель с ноги, повалить на стол и жёстко... потребовать ответов.

Кусаю губу, сдерживая тихий стон. Да что со мной такое? Нет, конечно, я понимаю, что у меня давно никого не было. Но чтобы я хотела Рэймонда? Того самого, что пытался попасть в мою комнату среди ночи с явно нехорошими намерениями? Или того, что нежно гладил и успокаивал после ужасного фильма? Да, хочу. Вот до чего доводят отчаянье и долгое воздержание. Боже.

На первом этаже тишина. Слуги уже разошлись по своим комнатам, только под дверью кабинета Харрингтона виднеется тонкая полоска света. Решительно иду туда, толкаю тяжёлую дверь, молясь, чтобы было не заперто, и замираю у порога.

В помещении играет лёгкая джазовая музыка, окно распахнуто настежь, и это несмотря на то, что на улице почти минус двадцать. Посреди кабинета ко мне спиной стоит Рэймонд в одних домашних штанах и... лупит боксёрскую грушу, которая от силы ударов пролетает в опасной близости от большого книжного шкафа, но каждый раз возвращается обратно до того,

как успевает врезаться в стекло. По крепкой спине мужчины стекают тонкие дорожки пота, волосы мокрые, а сам он издаёт что-то типа «Ха!» и легко подпрыгивает на месте.

Видимо почувствовав взгляд, Рэймонд медленно оборачивается. Открываю рот, жадно вцепляясь взглядом в его тело: мощная грудь с жёсткими черными волосками, крепкий пресс и тёмная дорожка, уходящая под резинку штанов. Забываю, как дышать. Кажется, в эту же секунду я окончательно трезвею. Выпускаю горячий воздух через нос, решительно поднимая на мужа глаза. Его взгляд — тяжёлый, обжигающий, завораживающий. Я даже не помню, зачем пришла. Даже не обращаю внимания на то, что практически раздета, что нижнее бельё настолько развратное и мне, по идее, должно быть неловко. Вижу только его чёрные глаза, капельки пота, рисующие линии по идеально вылепленному, словно из куска мрамора, лицу и решимость, с которой он делает шаг навстречу. О. Мой. Бог...

Он не даёт сказать ни слова, сразу же впиваясь в мои губы. Ощущаю их солоноватый вкус, пальцы скользят по взмокшему торсу. Плевать. И на то, что он сейчас не в лучшем виде, и на то, что не помешало бы принять душ.

— Ах, — стон застревает в горле. Сознание находится в глубокой спячке, потому что жадные губы мужчины уже гуляют по моей нежной коже, зацеловывая каждый миллиметр.

Дрожу в его руках, медленно рассыпаясь на осколки. Он опускает ладони на мои ягодицы, и я жмусь крепче, позволяя Рэймонду изучать моё тело. Мы молчим, слышно только глубокое медленное дыхание брюнета и мои лёгкие стоны. Плавлюсь, как чёртова свеча. Прижимаюсь, царапаю спину и плечи и ни капли не сопротивляюсь, когда он отрывает меня от пола и усаживает на край стола. Так намного удобнее, потому что наши лица находятся почти на одном уровне.

Рэймонд отстраняется на мгновение, заглядывая в глаза. А я веду ногтями дорожку по его руке, выше к плечу, перемещаю на шею, запуская пальцы в спутанные пряди. Голос хрипнет, но все же решаюсь сказать вслух:

— Я хочу тебя...

И это окончательно сносит крышу. На меня обрушивается лавина страсти, боюсь утонуть в ее порочном пламени. Сухие губы проходятся по щекам, ласкают шею. Рэймонд сдёргивает мой халат, оголяя хрупкие плечи, и они сразу начинают гореть от его первобытной грубости. Он целует меня до остервенения, кусает. Кричу. Обхватываю ногами его торс, притягивая ещё ближе. Приятная тяжесть внизу живота сводит с ума. Волны наслаждения сотрясают тело. Ещё и ещё. Выгибаюсь, ощущая, как его эрекция упирается мне между ног. О, да-а-а...

Мужская ладонь ложится на средоточие моего желания, и я не могу сдержать громкого стоны. Ерзаю по глянцевої поверхности стола, кусаю губы Рэймонда, чувствуя, что ещё минута, и меня унесёт на волне экстаза. Под его умелыми пальцами, рисующими круги по влажной коже, тело пронзает такая яркая вспышка, что приходится зажмуриться.

— О боже, Рэймонд! — стону, сильно кусая кожу на его плече и... просыпаюсь.

Пару секунд тупо пялюсь в темноту своей комнаты, судорожно вцепившись пальцами в края одеяла. Быстро моргаю. Сон. Всего лишь сон. Хочется взять и с разбегу удариться головой о стену. Кажется, я действительно схожу с ума по своему мужу.

Меня всё ещё лихорадит после столь яркого видения. Чувствую, какое мокрое на мне бельё, и волна стыда вынуждает вжать голову в плечи. Прячу лицо в ладонях, молясь всем богам, чтобы никто не слышал моего финального стоны. Но, как назло, в дверь тихо стучат. Подпрыгиваю, прекрасно зная, кто явился по мою душу. Только его комната находится на одном этаже с моей.

— Входи, — слегка повышаю голос, вдруг понимая, что это первый раз за время нашего совместного проживания, когда у меня не заперто.

— Джессика, всё хорошо? — немного растрёпанный после сна мужчина появляется в комнате. На нем только пижамные шорты, а на голове настоящий хаос. — Ты кричала.

Решаю не включать лампу, чтобы не видел моих горящих от смущения щёк.

— Сон...

— Кошмар? — уточняет Рэймонд. Стоит на пороге, но так и не решается подойти ближе.

— Да, он, — хочется ответить другое, но я, если честно, боюсь его реакции.

Да и что я скажу? Знаешь, дорогой, мне только что снился шикарный секс с тобой, и я даже — по крайней мере, очень похоже на то — кончила с твоим именем на губах. Но, кажется, у меня на лице и так всё написано. Потому что Рэймонд вдруг улыбается, в глазах отражается яркий свет луны, и они становятся какими-то уж слишком довольными.

— Ложись спать, Джессика, — муж тянет руку к двери, собираясь уходить. Паникую, вскакивая с постели, и неожиданно хватаю его за плечо. Рэймонд поворачивается, а я резко выдыхаю и выпаливаю:

— Останься со мной, пожалуйста!

Глава 8

Я долго ворочаюсь, но так и не нахожу смелости придвинуться к мужчине ближе. Засыпаю под утро, а когда открываю глаза, первое, что вижу — рука Рэймонда, мирно лежащая на моей груди. Хорошо, что я в нижнем белье, иначе бы просто сгорела со стыда.

Ёрзаю по простыням, так до конца и не понимая, чего хочу: выбраться из его плена или прижаться крепче. Муж всё решает за меня. Тяжело вздыхает во сне, что-то бубнит, а потом сильно хватается за грудь, запуская пальцы под край чашечки, и снова засыпает. Только теперь мне в зад упирается его... о боже! утренний стояк.

Ну что же ты, Джесс, где твоя смелость? Вот он. Бери. А смелость, похоже, капитулировала в тот самый момент, когда я поняла, что вообще не стоило его просить остаться. Проявила слабость, теперь расплачиваюсь. Глупая Джессика! Зачем вообще я послушалась Элис?

Решаю, что ещё немного полежу, а потом всё же выберусь из постели и схожу в душ, чтобы к моменту пробуждения мужа не выглядеть как варёная картошка. Закрываю глаза, расслабляясь, как вдруг мужские пальцы обхватывают сосок, и я машинально дёргаюсь назад, упираясь ягодицами в его пах. О боже! Надеюсь, он ещё спит.

— М-м, — раздаётся за спиной. Вот чёрт! Паника! Паника!

Не знаю, куда деться. С одной стороны грубые пальцы Рэймонда терзают мой несчастный сосок, сразу же вставший колом, а с другой — колом стоит уже кое-что другое. Мужчина снова елозит, дёргает тазом, и я шумно выдыхаю через нос. Становится невыносимо жарко. Осторожно выпутываю одну ногу из одеяла. Надеюсь, удастся сбежать до того, как брютет окончательно проснётся.

— Куда собралась? — замираю, так и не успев освободить вторую конечность. — Джесс?

— А, ну...

— Спи, ещё рано, — уверенно заявляет Рэймонд.

Спи. Уснёшь тут, когда он меня практически помогает! Несмотря на то, что я сама хочу продолжения этих нечаянных ласк, твёрдо решаю, что сначала мы должны поговорить. Да, возможно, это глупо. Мы взрослые люди и оба хотим одного и того же, тем более уже женаты. Но в этом-то и проблема. Мы друг другу никто. Я хочу это исправить. Хочу узнать его. Хочу нормальных отношений. Хочу ходить на свидания, целоваться и гулять, держась за руки. Хочу... Прыгнуть к нему в постель я всегда успею.

— Рэй, — страшно так сокращать имя мужа, но я давно об этом думаю, — ты не мог бы... Отпустить меня?

— Нет, — сразу отвечает мужчина.

Хмурюсь. Грубые пальцы чуть сильнее сдавливают сосок. Вскрикиваю от неожиданности. Рэймонд ослабляет хватку и, пока я, видимо, не сбежала, переворачивает меня лицом к себе. Боже, какой же он неприлично довольный! Как будто прочитал все мои развратные мысли и теперь знает, что не такая уж я и невинная овечка.

— Выспалась? — ласково произносит мужчина, касаясь пальцами моего подбородка.

Смотрю ему в глаза и умираю от нежности, распирающей изнутри. Похоже, Элис была права. Я влюбилась. Потому что даже сейчас Рэймонд выглядит как самый лучший мужчина на свете. Немного растерянный, помятый и сонный, но всё равно идеальный. Когда это произошло? В какой момент он вдруг перестал казаться мне жутким и некрасивым?

— Доброе утро, Джессика, — улыбаюсь. — Ты прекрасна с утра, знаешь?

— Ну конечно.

— Да, — Рэймонд обводит пальцем мои губы и слегка тянет меня к себе, спрашивая разрешения. — Можно?

Ох, черт... Вместо ответа целую его сама. Осторожно, едва касаясь губами. Скомкано, неуклюже. По телу пробегает ток. Ладонь сжимается на его запястье, а рука мужчины ложится на мою талию. Придвигаюсь ближе и чувствую, как часто вздымается его грудь, в плену которой сердце отбивает слишком быстрый ритм.

Поцелуй из невинного становится всё более страстным. Боюсь не сдержаться, ведь мы уже в одной постели, но в последний миг отстраняюсь и робко произношу:

— Доброе утро, Рэй.

— Мне нравится, как ты сократила моё имя, — улыбается. Он подозрительно добрый с утра. Может, его подменили милым клоном? — Но пора вставать. У нас ещё куча дел.

— Каких? — не припомню, чтобы у нас были планы на сегодня.

— Для начала нужно позавтракать, — мужчина садится в кровати и запускает пальцы в волосы. — Ну а вообще сегодня Рождество!

Рэймонду стоит больших усилий уговорить меня поехать в гости к отцу. Мэр Бэйкер решил, что праздник — отличный повод собраться всей семьей. Смешно. Разве я всё ещё отношусь к членам этого гордого семейства? Упираюсь до последнего, но тут муж пускает в ход последний аргумент — целует меня так глубоко, что не могу дышать. О, кажется, он всё же понял, что мой сон был вовсе не кошмаром, а очень даже наоборот. Вдруг я вообще стонала на весь дом, пока металась по простыням, наслаждаясь наваждением его близости? Как же неловко.

В восемь мы стоим у ворот отчего дома. Заметно нервничаю, раз за разом поправляя складки платья, и тереблю сумочку. Рэймонд крепко держит меня за руку, но и её я вырываю, чтобы заправить выпавшие пряди обратно за ухо.

Завидую спокойствию своего мужа. Привычная маска отстранённости наносит темные тени под глазами. Смотрит прямо, с легким пренебрежением. Спина такая ровная, что даже я невольно выпрямляюсь, вытягивая позвоночник по максимуму. Вдыхаю, надевая улыбку на лицо, и тяну мужчину за собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.